

ДМИТРИЕВА НАТАЛЬЯ ВИТАЛЬЕВНА

доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии девиантного поведения
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
dny2@mail.ru

NATALYA DMITRIYEVA

*D.Sc. (Psychology), Prof., Department of Pedagogy and Psychology of Deviant Behavior,
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

ЛЕВИНА ЛАРИСА ВИКТОРОВНА

кандидат психологических наук, доцент кафедры юриспруденции и общеобразовательных
дисциплин Московского университета экономики и статистики (Усть-Каменогорский филиал),
larisa_levina@mail.ru

LARISA LEVINA

*Cand.Sc. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Law and General Subjects,
Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (Ust-Kamenogorsk Branch)*

УДК 316.6

**СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

**FAMILY EDUCATION AS A FACTOR AFFECTING
THE DEVELOPMENT OF DEVIANT BEHAVIOR**

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема влияния семейного воспитания на формирование девиантного поведения личности. Авторы рассматривают взаимосвязь особенностей семейного воспитания и возникновения девиантного поведения у детей и подростков постмодернистской России как с педагогических, так и с психологических, социологических и культуральных позиций. Различные формы проявлений девиантного поведения рассматриваются как реакция на неразрешенные семейные конфликты. Приводится анализ типов культур как общих тенденций, оказывающих воздействие на развитие фундамента адаптивной-дезадаптивной социализации личности. Анализируются стили семейного воспитания в контексте возможности возникновения отклоняющегося поведения.

ABSTRACT. The article considers the problem of the influence of family education on the formation of deviant behavior. An assessment is given to the relation between features of family education and the development of deviant behavior among children and adolescents in post-modern Russia from educational, psychological, sociological and cultural perspectives. Various forms of deviant behavior manifestation are shown as a reaction to the unresolved family conflicts. An analysis of types of cultures as general trends, affecting the development of adaptive-maladaptive socialization, is presented. Authors analyze styles of family education in the context of possible deviant behavior.

Ключевые слова: девиантное поведение, типы культур, дезадаптация, типы семейного воспитания.

KEY WORDS: deviant behavior, types of culture, maladjustment, types of social education.

Известно, что первым институтом социализации ребенка является семья. Выделяемые на сегодняшний день функции семьи (воспитательная, хозяйственная, эмоциональная, функция духовного общения, первичного социального контроля, сексуально-эротическая) непосредственно связаны с удовлетворением определенных потребностей членов семьи.

На снижение способности семьи осуществлять свои функции влияют личностные особенности

членов семьи, низкий уровень доверия и взаимопонимания, условия жизни, неполный состав семьи, недостаточный уровень знаний и навыков в культуре взаимоотношений и воспитании детей и др.

Одной из самых значимых функций семьи является воспитательная (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, А. Я. Варга, В. В. Столин, В. Н. Дружинин). Перед тем как довериться определенной воспитательной концепции, следует обратить внимание

на время, в котором живешь. Именно оно диктует основную гипотезу воспитания. Время З. Фрейда диктовало одну стратегию воспитания, К. Хорни — другую, постмодернизм нового века — третью [1; 8].

А. Н. Моховиков (1999) выделяет три типа культуры, каждой из которых соответствует присущий ей тип воспитания и свои особенности отношений между поколениями, принадлежащими к различным социальным общностям [7].

Мы предлагаем новый взгляд на эту классификацию, основанный на анализе случаев консультирования семей, обратившихся за помощью по поводу девиантного поведения.

1. *Постфигуративная культура* — это культура «примитивных» народов, где из поколения в поколение передается один и тот же опыт, где время течет медленно, не вносит в жизнь общества значительных перемен из-за малого количества изменений, происходящих в единицу времени. Будущее в рамках этого типа культуры является точно воспроизведенным прошлым. Элементы такой культуры, в чем-то напоминающие некое безвременное созерцание, встречаются, например, в Армении, Грузии, Чечне. Социальная общность охраняет культуру интергенерационной преемственности (непрерывной связи между поколениями), порождающей реальное присутствие в семье трех поколений и внутрисемейную поддержку. Носитель этой культуры никогда не скажет: «А вот мой отец/мать сказал/а бы по этому поводу так...», поскольку сын, отец и дед, как правило, «сидят за одним столом». Прозшлое рядом, авторитет старейшин непререкаем, представители старших поколений облечены реальной властью и не сомневаются, что их дети и внуки будут жить так же, как жили и живут они [7].

2. *Конфигуративная культура* — один из самых популярных типов культуры, в которой каждое новое поколение перенимает основные модели поведения своих сверстников. Старики «смотрят» на стариков, подростки — на подростков. Этот тип культуры порождает молодежную, детскую, подростковую, пенсионную, алкогольную, наркотическую и прочие субкультуры. Это время конфликтов, приводящих к потере связи между поколениями, потому что все субкультуры «конфликтуют» друг с другом. Для того чтобы отстоять свои позиции и занять положение превосходства, молодому поколению приходится бороться со старым.

А. Ф. Лосев (1999) дал очень точное определение русской культуры, назвав ее «культурой отцеубийств» [6]. Актуальность его высказывания подтверждают революции и многочисленные общественные кризисы, являющиеся индукторами личностных кризисов, часть которых приводит к развитию девиаций. В результате революции молодое поколение, отстаивая свои позиции, «свергает» старое. Не случайно эта тема нашла широкое отражение в литературе (вспомним тургеневских «Отцов и детей»).

Несмотря на высказываемую Э. Фромом точку зрения о бесполезности борьбы с инстинктами и актуальности свободного выбора жизненного пути, основополагающими в этом типе культуры

являются подавление инстинктов, наличие аддикций, девиаций, психосоматических и других психических расстройств. Молодежь сталкивается с выставляемыми на ее пути барьерами, «блоками» и всевозможными препятствиями, следствием которых являются деструктивные мотивы поведения, деформирующие личность [11].

3. Наступивший век постмодернизма — век новой, *префигуративной культуры*. На смену традиционному обществу приходит современное с большим количеством перемен, происходящих в единицу времени, с отсутствием интергенерационной преемственности, индивидуализмом и ослаблением внутрисемейной поддержки.

Переход от традиционного типа культуры к современному в России осуществляется очень болезненно. Существующий в бывшем СССР тоталитарный строй многими воспринимался как приемлемый, поскольку содержал в себе элементы традиционной культуры и привносил в мироощущение многих людей чувство устойчивости и относительной социальной стабильности.

Современная молодежь оказалась лицом к лицу с будущим, где ряд стереотипов прошлого и большая часть опыта старого поколения не нужны и даже мешают, служат серьезным препятствием для принятия правильных решений, развития и адекватной социализации. Старшее поколение, иногда с трудом понимающее суть происходящего, не желающее с ним мириться и сдавать свои позиции, с завидным упорством продолжает навязывать молодежи свой жизненный опыт, значительная часть которого в условиях современной постсоветской России не только неэффективна, но и вредна.

Быстрые перемены в обществе ставят перед молодым поколением новые задачи, поэтому необходимы отвечающие их требованиям *современные концепции и стратегии воспитания*, призванные обеспечить успешную социализацию и адаптацию молодежи.

Поколению взрослых следует под новым углом зрения посмотреть на извечный конфликт отцов и детей и не «втискивать» молодежь в старые догматичные и неадекватные времени стратегии мышления и поведения. Внимательный взгляд на молодое поколение, наблюдение за новыми когнитивными и поведенческими паттернами позволит старшему поколению осознать, что сегодня уже не оно диктует правила игры.

Целесообразно по-новому взглянуть на традиционные мифы прошлого тысячелетия, во многом определявшие воспитательные стратегии, например, на лозунг: «Все лучшее — детям!». Сегодня в метафорическом смысле слова надо «не отдавать» детям, а заимствовать у них актуальное, адаптивное и продуктивное мироощущение, поскольку более информационно и технически беспомощными и жизненно дезорганизованными являются не они, а большинство тех представителей старшего поколения, которым сейчас за пятьдесят. Консервативность и ригидность большинства членов этой возрастной группы делает ее социально беспомощной перед суровыми условиями выживания в современной реальности. Психологически

гибкая и пластичная молодежь легче вписывается в атмосферу нового века.

Таким образом, в условиях постфигуративной культуры взрослое поколение занимает в обучении, воспитании и формировании опыта детей доминирующую, авторитарную, директивно-императивную стратегию. В условиях кофигуративной культуры дети и взрослые учатся на опыте представителей своих поколений. Префигуративная культура ставит взрослое поколение перед необходимостью не навязывать старые, неадекватные в новых условиях модели поведения, а перенимать опыт у подрастающего поколения, учиться у него новому взгляду на жизнь и новым гештальтам.

Психодиагностика и коррекция проблем девиантной личности во многом зависит от ретроспективного анализа особенностей применяемых по отношению к ней в детстве воспитательных стратегий. На рисунке, представленном ниже, мы отобразили основные стили семейного воспитания выделяемые психологами.

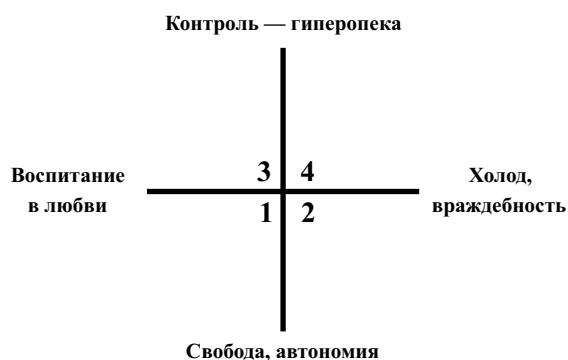

Рис. 1. Стили семейного воспитания

Анализ ситуации позволил нам ответить, в каком из четырех секторов вырастут самые «благополучные» дети, а в каком — дети с риском развития девиантного поведения.

Дети, относящиеся к сектору 1 — *любовь и свобода*, растут в своем большинстве агрессивно успешными и творчески инициативными. Уверенность в себе, желание добиться поставленной цели, пройти по выбранному жизненному пути самим, проявить инициативу, «набить шишек» и поумнеть приводит к тому, что зачастую они идут «не разбирая дороги», но тем не менее постоянно двигаются вперед.

Дети, относящиеся к сектору 2 воспитываются согласно стратегии *автономия и враждебность*. Им предоставляется полная свобода при отсутствии сколько-нибудь выраженного контроля. Они предоставлены сами себе, свободны, никого не боятся и никого не любят, поскольку практически никто не любит их. Их родителями чаще всего являются алкоголики, бомжи, деклассированные и антисоциальные элементы. Из таких детей вырастают агрессивно-враждебные взрослые, часть которых впоследствии пополняет ряды криминальных лидеров и проституток [2; 5].

Детское восприятие мира как враждебного рождает озлобленность и постоянную готовность к бою. Их модель мира складывается по типу семейной. Враждебное отношение к родителям определяет аналогичное отношение к миру, в котором окружающие изначально воспринимаются как враги. И, как поется в известной народной песне, «... не имея родного угла», они, страдая от дромомании (влечение к побегам), часто убегают из дома.

Мы считаем, что присущая таким девиантным лицам установка на вседозволенность основывается на следующей жизненной позиции: «Раз мир плохой, в нем некого чтить, поэтому можно делать все, что захочешь. Ничего не получишь, не обманув». Как показывает наш опыт консультативной работы, иногда из таких детей вырастают полезные для общества люди (лидеры, политики, представители военных профессий и др.). Самоуверенность, «бойцовские» качества, инициатива, отсутствие страха перед ошибкой и неудачей позволяют им идти вперед, несмотря ни на что и любой ценой. Это лидеры, которые быстро приходят к власти как в политической или криминальной, так и в любой другой среде.

Дети, относящиеся к секторам 3 (контроль, гиперопека, любовь) и 4 (контроль и враждебность), доставляют окружающим значительно меньше проблем.

Воспитанные в рамках стратегии третьего сектора (*контроль, гиперопека, любовь*) дети — самые любимые. Они постоянно оправдывают ожидания родителей и учителей. Контроль и любовь делают их настолько зависимыми от мнения и отношения к ним взрослых, что, находясь в состоянии погоны за их любовью, похвалой и комплиментом, они безумно боятся не оправдать ожиданий окружающих. Это практически беспроблемные, послушные, исполнительные, хорошо обучаемые отличники и общественники.

Тем не менее, получив, например, золотую медаль за окончание школы, многие из них так никогда и не становятся первыми. Подчиненность, ведомость, безынициативность, неуверенность, робость и застенчивость «отодвигают» их на задний план, так как привычка оправдывать ожидания взрослых подавляет способность реализовывать собственные желания и креативность. Из них вырастают хорошие, порядочные люди, прекрасные подчиненные, попирающие собственную идентичность в интересах субмиссивности (подчиняемости). Такие люди везде «на вторых ролях». Они боятся взять на себя ответственность и поэтому в общем коллективном хоре никогда не поют первым голосом.

Контроль и враждебность (4) «порождают» самый неприятный в общении, девиантный, двурушнический, лицемерный тип людей. Ощущение наличия, с одной стороны, контроля, а, с другой — «подавляющей» и превосходящей их силы делает их похожими на детей, выросших в любви и опеке. Они послушны, робки, застенчивы и порой так легко управляемы, что в поведении некоторых из них прослеживаются черты мазохизма. Их буквально переполняет желание оправдать ожидания окружающих.

Но как только контроль со стороны взрослых прекращается или ослабевает, подавленные в них агрессия, зависть, злоба и злость брутальными негативными мазками проступают в рисунке их поведения. В условиях бесконтрольности они проявляют склонность к девиантным и антисоциальным поступкам. Легко попадая под влияние авторитетов, они становятся исполнителями неприемлемых обществом социальных заказов. Привычка хитрить, юлить и выкручиваться приводит их к совершению подлых, антисоциальных поступков. Из них вырастают социально опасные люди и преступники.

Подавляемые окружением и нелюбимые в детстве, они внедряются в мир с враждебной идеологией, основывающейся на положении: «Меня никто не любит, поэтому я могу делать все, что хочу, пока общество за мной не следит». Абсолютная беспринципность и двойная мораль формирует из некоторых из них маньяков, садистов, извращенцев и проституток [5].

По мнению Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриевой, проблемы переходного возраста, которые доставляют много хлопот как взрослым, так и самим детям, существуют только в цивилизованных странах, где мир детства отделен от мира взрослых [3]. С точки зрения авторов, пубертатный период совпадает по времени с переходом из мира сказок в мир реальности взрослых. Существует множество народов, у которых нет проблем переходного возраста. Если маленький человек с детства живет в мире взрослых, где есть революции, кризисы, смерть, войны, инвалиды, нищета и трудности, то он принимает это как норму. В противном случае, если семья не впускает ребенка в эту реальность — первая встреча со смертью, с хулиганами и бомжами приведет его в состояние шока и надолго «выбьет из седла».

Чем раньше в доступной и соответствующей возрасту форме ребенок узнает о суровой реальности жизни и избавится от иллюзий отсутствия смерти, свободы, бессмысленности, изоляции и других экзистенциальных проблем, тем будет лучше.

Опыт психологического консультирования, проводимого нами на протяжении длительного периода, показывает, что состоятельными во всех отношениях в жизни становятся люди, которые жили не в сказке, а в реальном мире, поскольку неудовлетворенное желание инициирует действие.

К сожалению, по-прежнему приоритетным во многих семьях считается обучение детей

умению мечтать, в сравнении с необходимостью желать. В учебниках педагогики это направление рассматривается как один из важных принципов воспитания.

С нашей точки зрения, необходимо сначала научить ребенка желать, а уже потом мечтать о том, каким образом реализовать это желание. Как отмечал З. Фрейд, мечта — это пассивная работа воображения, это психический процесс, призванный лишь частично удовлетворить потребность [10].

В реальности мечта может и не осуществиться. Гораздо важнее желать, иметь цель и планировать действия по ее реализации. При этом следует помнить, что ребенка стимулирует не только конечная цель, которая может оказаться невыполнимой, но и сам процесс ее достижения. Гармоничный человек воспринимает жизнь как процесс получения радости и удовольствия на пути к достижению своих желаний.

Дети, воспитывающиеся в рамках стратегий секторов 1, 2, как правило, хорошо адаптированы. Родителям, отдавшим предпочтение стратегиям воспитания секторов 3 и 4, следует вовремя снять контроль, не «зависать» над ребенком, предоставить ему возможность столкнуться с реальным миром и самому выбрать (здоровый и адекватный или патогенный) жизненный путь.

Важно сказать ребенку: «Смотри! Есть алкоголь, наркотики, проституция, а есть и другой выбор». При адекватно выбранной жизненной позиции адаптация проходит быстро и сопровождается актуализацией инициативы. Если человек хорошо знает мир, в котором живет, если ему в нем просто, уверенно и легко, то он начинает успешно в нем обустраиваться. Если же он плохо знаком с реальностью, которая его пугает, то речь вряд ли может идти о креативности, самоактуализации и правильном выборе жизненного сценария.

Следовательно, своевременно сформированное в семье знание реальности позволит ребенку найти адекватные способы защиты от ее негативных проявлений. Чем раньше он овладеет этими знаниями, тем лучше будет защищаться, тем в большей безопасности окажется и тем больше психической и физической энергии сможет потратить на личностное развитие, креативность, самоактуализацию, препятствующие возникновению девиантного поведения.

1. Дружинин В. Н. Психология семьи. СПб.: Питер. 2006. 176 с.
2. Коваленко Т. Н. Исследование жизненных сил семьи, усыновившей ребенка в современной России (на примере Алтайского края) // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2012. Вып. 2, т. 18. С. 16–21.
3. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Аддиктология: настольная книга. М.: Институт консультирования и системных решений, Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига, 2012. 536 с.
4. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Аддикции в культуре отчуждения. Фрагментарная идентичность в зазеркалье постмодернизма: Монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 434 с.
5. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Проституция: психология, психотерапия. М.: Институт консультирования и системных решений, 2013. 248с.
6. Лосев А. Ф. Фрагменты дополнений к «Диалектике мифа» (1929). Личность и Абсолют / сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. С. 378–514.

7. Моховиков А. Н. Телефонное консультирование. М.: Смысл, 1999. 410 с.
8. Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 2. СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2008. 122 с.
9. Поддержка семьи в условиях кризиса: материалы IX Всероссийской научно-практ. конф. «Актуальные проблемы специальной психологии в образовании» (10–12 февраля 2010 г.). Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. 488 с.
10. Freud S. Repression // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XIV: On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works. London: Hogarth Press, 1914–1916. P. 149.
11. Korolenko Ts., Dmitrieva N. Clinical Traits of Temporal Lobe Personality in the Inhabitants of North Siberia // American International Journal of Contemporary Research. Vol. 2, No. 9. 2012. P. 13–19.

References

1. Druzhinin V. N. Psikhologiya semyi [Family psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2006. 176 p. (In Russian).
2. Kovalenko T. N. Issledovaniye zhiznennykh sil semyi, usynovivshy rebenka v sovremennoy Rossii (na primere Altayskogo kraya) [Research of vital forces of the family, which adopted the child in modern Russia (the example of the Altay)]. Uchenye zapiski Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty — The Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 2012, vol. 2 (18). pp. 16–21 (in Russian).
3. Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V. Addiktologiya: nastolnaya kniga [Addictology: desk book]. Moscow: Institute of Counseling and Systemic Solutions Publ., All-Russian Professional Psychotherapeutic League Publ., 2012. 536 p. (In Russian).
4. Korolenko Ts. P. Addiksiya v culture otchuzhdeniya. Fragmentarnaya identichnost v zazerkalye postmodernizma [Addiction in a culture of alienation. Fragmented identity in Wonderland of postmodernism]. Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V. (eds.). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013. 434 p. (In Russian).
5. Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V. Prostitutsiya: psikhologiya, psikhoterapiya [Prostitution: psychology, psychotherapy]. Moscow: Institute of Counseling and Systemic Solutions Publ., 2013. 248 p. (In Russian).
6. Losev A. F. Fragmenty dopolneniy k «Dialektike mifa» (1929). Lichnost i Absolyut [Fragments of additions to the «Dialectics if Myth» (1929). Personality and Absolute]. Takho-Godi A. A. (ed.). Moscow: Mysl Publ., 1999. 719 p. (In Russian).
7. Mikhovikov A. N. Telefonnoye konsultirovaniye [Telephone counseling]. Moscow: Smysl, 1999. 410 p. (In Russian).
8. Sovremennyye problemy psikhologii semyi: fenomeny, metody, kontseptsii [Modern problems of family psychology: phenomena, methods, concepts]. Issue 2. St. Petersburg: The Institute for Enterprise Issues Publ., 2008. 122 p. (In Russian).
9. Podderzhka semyi v usloviyakh krizisa [Supporting families in terms of the crisis] Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktualnye problemy spetsialnoy psikhologii v obrazovanii» [Proc. of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference «Topical Issues of Special Psychology in Education»]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2010. 488 p. (In Russian).
10. Freud S. Repression. (Orig. publ. 1915) In the standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud, (1914–1916): on the history of the psycho-analytic movement, papers on metapsychology and other works, vol. 14. London: Hogarth Press Publ., 1957. 149 p.
11. Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V. Clinical traits of temporal lobe personality in the inhabitants of North Siberia. American International Journal of Contemporary Research, 2012, vol. 2, no. 9. pp. 13–19.